

Олег Сивирин

В поисках исчезнувшей церкви Святой Наталии

Из документального цикла «Лузановка и окрестности»

Когда я собирал исторические материалы, связанные с дворянским родом Лузановых, особый интерес представляло изучение территории их землевладений в Одесском уезде. Эта работа заключалась в поиске и установлении на местности сохранившихся или утраченных жилых и хозяйственных объектов, а также связанной с ними инфраструктуры. Одним из мест, где было сосредоточено множество интересующих построек,

Куяльницкий лиман, август 2013 года. Остатки гидротехнических сооружений
Акционерного общества Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов. Фото автора

являлась территория бывшего соляного промысла на Куяльницком лимане. На основе изучения литературных источников, топографических карт, а также собранных воспоминаний и регулярных посещений данной территории удалось установить местонахождение большинства бывших построек соляного промысла: жилых и административных зданий, соляной мельницы, участков пролегания разветвленной сети узкоколейной железной дороги промысла. И лишь один объект в этой местности оставался не найденным, и все попытки его отыскать то и дело оказывались тщетными, как будто исследование относилось не к событиям столетней давности, а касалось загадок развалин древности. Но не найденный объект и вправду был необыкновенным – это была домовая церковь Святой мученицы Наталии. Место культовое, почитаемое сотнями людей: здесь совершались службы и возносились молитвы перед иконами. И от этого еще более таинственным казалось тотальное забвение священного места. На протяжении всего времени проведения поиска не покидало ощущение, что церковь не просто исчезла с лица земли, но и пропала из человеческой памяти.

Недолгая история домового храма Святой Наталии на Куяльницких соляных промыслах началась в осенний полдень воскресного дня: 12 сентября 1899 года в 12 часов дня состоялось торжественное освящение нового храма. Торжество освящения «совершил благочинный церковью 2-го округа города Одессы отец Жадрицкий в сослужении церковного причта».¹ В преддверии этого события «Одесский листок» в коротком репортаже сообщал: «...Церковь эта воздвигнута в бытность директором промыслов Г.В. Вильямса его трудами и средствами. Это видно из врезанной на внутренней стене храма мраморной доске со следующей надписью: «Церковь сия сооружена в 1899 г. во имя Св. Наталии в царствование императора Николая II и при высокопреосвященном архиепископе Иустине. Основана и сооружена на частные пожертвования...»²

Дата открытия церкви – 12 сентября, несмотря на разрыв во времени, без сомнения говорит о стремлении организаторов строительства приурочить событие к 26 августа, – дню памяти святой мученицы Наталии Никомедийской, во имя которой

и была названа новая церковь. Святая Наталья Никомедийская – раннехристианская мученица, жившая в начале IV века в городе Никомедия, расположенном на берегу Мраморного моря. Венец мученицы благочестивая Наталья обрела за безграничные душевные сострадания к супругу Адриану, подвергнувшемуся жестоким мучениям за христианскую веру. Церковь почитает святую Наталью вместе с мужем святым Адрианом «как супружескую двоицу», отсюда более известны церкви, построенные и названные во имя обоих святых мучеников – Адриана и Натальи. Намного реже можно встретить церкви, названные одним именем, – святой мученицы Наталии. Это важно подчеркнуть в ходе данного исследования, так как церковь Святой Наталии, открытая в 1899 году на соляном промысле, хранила в своем канонизированном имени Наталии и дань почтения имени владелицы окрестных земель – Натальи Николаевны Лузановой, урожденной Дембровской. С именем Натальи Лузановой была связана история создания и многолетняя работа соляного промысла на Куяльницком лимане, так что желание инициаторов замысла назвать церковь именем ее святой покровительницы было вполне естественным решением.

Наталья Николаевна Лузанова была дочерью подполковника, коллежского советника, председателя Одесского коммерческого суда Николая Гавриловича Дембровского и Марии (Марьяны) Афанасьевны Кес-Оглу (Кесоглу)³. Особо стоит упомянуть деда Наталии Дембровской по женской ветви рода – подполковника Афанасия Кес-Оглу. С первых лет основания Одессы он оказался вовлечен в решение одной из главных задач, стоявших перед основателями Одессы, – заселения города. Афанасий Кес-Оглу «по уважению его и доверенности в нации греческой» был назначен на новую учрежденную должность «попечителя», в обязанностях которого была забота о переселенцах и «оказание всевозможного содействия как при переселении, так и во все время, пока они устроятся на новом месте».⁴ В изданной к столетию Одессы книге «Одесса, 1794-1894» отмечалась активная деятельность Кес-Оглу на этом посту: «Иностраннный магистрат в короткое время делает такие успехи, что в начале 1798 года – не без участия Кес-Оглу – Русский магистрат совсем прекратил свое су-

ществование, а русские купцы и мещане причислены в ведомство Иностранного магистрата...». В числе задач, к решению которых был причастен Афанасий Кес-Оглу, подчеркнем знаковый для молодого города шаг – получение своего герба. Из нереализованного на тот момент отметим судьбоносное в будущем для города предложение объявить Одессу порто-франко, о чем потомки не забыли упомянуть через сто лет: «Мысль объявить Одессу порто-франко была не нова. Еще в 1798 году Кес-Оглу, между прочим, ходатайствовал и об этом...»⁵

Начало истории солепромышленного дела семьи Дембровских (а затем Лузановых) на Куяльницком лимане можно отсчитывать с 5 августа 1829 года, когда Мария Афанасьевна Дембровская получила разрешение на добычу частной соли: «...В апреле сего 1829 года Херсонская казенная палата донесла, что помещица коллежская советница Дембровская предуведомила оную о намерении своем на основании 4 и 5 пунктов оного мнения Государственного совета добывать соль на части Куяльницкого лимана, смежную с землею, полученною родителем ее от Правительства, а ей по наследству от него доставшеюся...»⁶ В результате министром финансов было дано предписание Херсонской казенной палате «разрешить Дембровской на части Куяльницкого лимана, к даче ее принадлежащей, добывание соли...». При этом в решении отдельно оговаривалось обстоятельство касательно того, что куяльницкая соль, в отличие от крымской, находится ближе к многолюдным губерниям (то есть к рынку сбыта. – **О. С.**) и легко сможет подорвать продажу крымской соли. Вследствие чего было принято решение повысить акцизную плату куяльницкой соли до 70 копеек с пуда. Крымская сохранила свой прежний акциз в 60 копеек с пуда.⁷

И хоть полученное разрешение не повлекло за собой начала добычи соли, и задуманное осуществилось лишь спустя многие годы уже детьми М.А. Дембровской, но по своей сути предпринятый деятельной Марией Афанасьевной шаг предопределил на столетие вперед судьбу двух следующих поколений рода. Память о Марии (Марьяне) Дембровской какое-то время хранила топонимика ее родной земли. Марьевка (Марьяновка) – так называлось небольшое селение в границах нынешнего села

Крыжановка Коминтерновского района Одесской области. Это название мы можем видеть на многих трехверстовых маршрутных картах конца XIX столетия, и что удивительно, селение в один и тот же временной период по неизвестным причинам попеременно именовалось то Крыжановкой, то Марьевкой. Более того, в это же время название Марьевка также упоминается в справочном издании 1896 года уже как второе название находящегося в землевладениях Лузановых крохотного хуторка Киселова⁸ (хутор Киселова находился в районе нынешнего детского центра «Молодая гвардия». – **О. С.**).

Спустя годы после вышеописанных событий, 14 июля 1872 года, дочь Марии Афанасьевны Наталья Лузанова «с высочайшего утверждения устава» стала одним из учредителей акционерного общества по добыче соли «со складочным капиталом общества в один миллион рублей, разделенных на тысячу именных акций по тысяче рублей каждая».⁹ Первый параграф устава новосозданного предприятия гласил: «Для упрочнения окончательного устройства и правильной ежегодной разработки одесских Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов, согласно с требованием правительства и устава товарищества владельцев тех промыслов, образуется акционерное общество под вышеозначенным наименованием».¹⁰ В примечании к первому параграфу устава общества указывались и учредители: «горный инженер Карл Христианович Шамер и генерал-майор Егор Егорович Гангарт, коим присваивается название первоначальных; почетные граждане Игнатий и наследники Леона Ефруси, тайный советник Новосельский, полковник Михаил Дембровский (родной брат Н.Н. Лузановой. – **О. С.**) и вдова генерал-майора Наталья Лузанова».¹¹ Кстати заметим, что Н.Н. Лузанова оказалась единственной дамой учредителем-акционером в компании деловых господ.

Вдовой Наталья Лузанова стала в 1870 году. Муж Натальи Николаевны Лузановой генерал-майор Фома Петрович Лузанов, участник многочисленных сражений, скончался в ночь с 19 на 20 января 1870 года в городе Бендеры. Вся жизнь Фомы Петровича была связана с воинской службой. Поступив на службу в 1807 году, он юнкером участвовал в военной кампании против горцев. За взятие крепости Анапы в 1809 году был награжден

знаком отличия Военного ордена и произведен в офицеры. В русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Фома Петрович уже батальонный командир 22-го Егерского полка. В сражениях при деревнях Эмбалар (?) и Юсуфлар был произведен в чин подполковника и награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Спустя полтора месяца (после тяжелого ранения в ногу) участвует в осаде крепости Силистрия, за что награжден золотой полусаблей с надписью «За храбрость». За участие в польской кампании в 1830-1831 гг. произведен в полковники. По окончании этой кампании назначен командиром Севского пехотного полка, которым командовал до 1837 года. Закончил военную карьеру в звании генерал-майора.¹² В некрологе Ф.М. Лузанова отмечалось, что «одаренный от природы деятельным и энергичным характером, Фома Петрович и по выходе в отставку не мог оставаться без дела. Купив несколько десятин, находившихся под виноградником, около Бендер и назвав этот уголок Гертоп (по-турецки – урочище), он предался мирным сельским занятиям». Так, сменив в руке эфес сабли на лозу винограда, заслуженный ветеран свою последнюю награду получил уже в «мирном сражении». На проходившей в Одессе с 8 октября по 8 ноября 1870 года выставке виноделия, организованной Императорским Обществом сельского хозяйства Южной России, за созданное Фомой Петровичем Лузановым красное вино урожая 1866 года была присуждена большая серебряная медаль и 25 рублей.¹³

Многолетние военные экспедиции и впоследствии постоянное место жительства Фомы Петровича Лузанова в Бендерском уезде объясняют то, что его деятельность совсем не прослеживается в делах землевладений его супруги в Одесском уезде. Сама же Наталья Николаевна Лузанова часто фигурирует в исторических источниках как землевладелица, с которой решались все вопросы, касающиеся ее земельной собственности, будь то выделение участка земли для обустройства стрельбища на землях Лузановой или решение более масштабного земельного вопроса, как то «предложение в 1900 году гласной Одесской городской думы Ф.П. Калотти о приобретении городом имения госпожи Лузановой у берега Куяльницкого лимана для расширения городской береговой территории».¹⁴ Фактически фамилия Лузановой,

постоянно упоминаемая в привязке к этой местности, стала основанием для появления нового топонима в прибрежной местности Одессы. Вначале устно, в разговорном употреблении, появилось название «Лузаново», охватывающее значительную местность вдоль морского побережья, а затем, изменившись в произношении в существительное женского рода, топоним прижился в одном месте окончательно и со временем стал официальным названием пригородного микрорайона, который мы теперь знаем как Лузановку. Истоки рождения нового топонима мы можем обнаружить, взглянув на планы Одессы конца XIX столетия, где вся территория за границами города с северо-востока подписана как «хутор Корсунцы Лузановой».

Если сегодня следовать из центра Одессы по Николаевской дороге в сторону поселка Котовского, то точкой ориентира для определения линии границы Одессы и Одесского уезда будет служить остановка городского транспорта «Сортировочная». Отсюда начинались земельные владения госпожи Лузановой и простирались с юга на север, проходя вдоль восточного берега Куяльницкого лимана до северной каймы песчано-земляного выступа в форме косы. От косы лимана граница владений сворачивала на восток, в направлении деревни Александровки (на этом участке линия границы землевладений точно не определена. – **О. С.**), оттуда поворачивала на юг и шла к леваде у морского побережья (р-н нынешнего села Лески. – **О. С.**). По невероятному совпадению, бывшая черта границы города и землевладений Лузановой в Одесском уезде проходила по линии, впоследствии ставшей небольшой улицей, которая теперь носит название Лузановская (ранее улица Ильичевская. – **О. С.**) В дальнейшем вся земля перешла по наследству к детям Лузановой и на 1911 год распределялась среди них следующим образом:

28³/₄ десятинами земли при деревне Александровке владел Петр Фомич Лузанов;

1849³/₄ десятинами земли при деревне Марьяновка, хуторе Корсунцы и деревне Крыжановке владели Петр Фомич Лузанов, Эммануил Фомич Лузанов, Михаил Фомич Лузанов, Александр Фомич Лузанов и Клеопатра Фоминична Лузанова (Ржондковская);

30½ десятинами земли при деревне Марьяновке, хуторе Корсунцы и Крыжановке, владели Петр Фомич Лузанов, Эммануил Фомич Лузанов, Михаил Фомич Лузанов, Александр Фомич Лузанов и Клеопатра Фоминична Лузанова (Ржондковская).¹⁵

Данные о земельном наследии Н.Н. Лузановой будут неполными, если не сказать, что в силу разных обстоятельств (особенностей аграрного рынка, близости земель к городу и личных решений наследников) в начале XX века они (землевладения) претерпели значительные изменения. Помимо детей Н.Н. Лузановой и крестьян-собственников местных сел на аграрной карте рассматриваемой местности появились новые имена средних и крупных землевладельцев. Как пример можно привести землевладелицу Елену Николаевну Аргутинскую-Долгорукову, которой в 1913 году принадлежало 1458 десятин земли при хуторе Корсунцы.¹⁶ Ближе к 1917 году внутри обозначенных землевладений, а именно в районе сел Крыжановка и Корсунцы, по воспоминаниям местных жителей, в качестве крупного землевладельца фигурирует фамилия Малаховского.¹⁷

Изначально сведений для поиска домово́й церкви Святой Натальи было явно недостаточно: газетная заметка об открытии церкви и краткая статистическая справка из справочной книги Херсонской епархии за 1906 год. А предполагаемый район поиска церкви за последние годы значительно застроился новыми частными жилыми домами, исчезли старые и появились новые дороги, к тому же огромные территории оказались под водой или заросшими камышом.

Для начала нужно было прояснить значение определения «домовая церковь». Как выяснилось, домовая церковь (храм) – это освященное помещение, чаще находящееся внутри какого-либо здания, и реже – как отдельно стоящее строение. Светское здание, внутри которого открывалась домовая церковь, могло быть выделено внешне архитектурно, например небольшой главкой на крыше. Домовые храмы открывались при различных заведениях, предприятиях и в частных домах. Для открытия церкви частными лицами (за особое уважение или заслуги) требовалось разрешение от епархиальной власти. Домовые церкви при различных ведомствах отличались от приходских и тем, что

Почтовый конверт 1906 года. Отправитель на штампе: «Правление Общества Одесских Куляницко-Хаджибейских Соляных промыслов»; получатель прописью: «В Херсонскую Казенную палату». Из личной коллекции автора

посещали их, как правило, верующие только того заведения или предприятия, на территории которого они действовали. Как видим, в самом термине «домовая церковь» заложена некоторая подсказка, указывающая на ее относительное местонахождение «в доме» или «при доме». Домовая церковь всегда имела приписной статус и относилась (приписывалась), как правило, к ближайшему приходу, священники которого и проводили службы в домовой церкви в определенные дни.

Исходя из этого, в поиске церкви сразу обозначились два условно разделенных направления: первая версия – нахождение церкви в помещении светского здания; вторая версия – расположение церкви как самостоятельного сооружения. Начав изучать первые материалы по интересующему вопросу, я сразу наткнулся на текст одного из современных авторов, в котором вкратце упоминалось о церкви Святой мученицы Наталии на Куляницком соляном промысле, и там же утверждалось (правда, без каких-либо ссылок), что данная церковь открылась в «здании правления

села Корсунцы». Опираясь на этот материал, намечался и план дальнейших действий: искать здание правления (если сохранилось) и далее, уже с помощью старожилов села, попытаться определить само церковное помещение. При положительном результате розыска в данном направлении в перспективе рассматривалось также возможное детальное исследование церковного помещения, вплоть до отделения небольших фрагментов слоев краски и штукатурки в поисках следов оригинала.

Но после еще одного анализа первичной информации в тексте обнаружилось серьезное противоречие, говорящее о том, что домовая церковь соляного промысла никак не могла находиться в «здании правления села Корсунцы». Во-первых, в Корсунцах, не существовало такого административного органа как «правление села», соответственно не было и здания, где оно могло бы располагаться. Согласно сельскому земскому устройству, управление крестьянами одного селения (сельским обществом) осуществлялось сельским сходом и сельским старостой. И во-вторых – хутор Корсунцы и Куяльницкий соляной промысел хоть и находились на территории землевладений семьи Лузановых, административно связаны не были. (А церковь, как мы знаем из газетного репортажа, была открыта именно на соляном промысле.) Хутор Корсунцы являлся населенным пунктом Антоно-Кодинцовской волости Одесского уезда Херсонской губернии. За три года до открытия церкви – в 1896 году – хутор насчитывал 21 двор с численностью населения в 127 человек: 62 мужчины и 65 женщин.¹⁸ Куяльницкий соляной промысел со всеми жилами и хозяйственными постройками являлся предприятием (акционерным обществом) и имел свои строго отведенные границы. Они были обозначены 27 июня 1871 года в «высочайше утвержденном» проекте по устройству и разработке Одесских соляных промыслов: «Признать означенные на геодезическом плане границы Куяльницких и Хаджибейских лиманов, с включением и 10-саженевой полосы береговой земли за внешние пределы Одесских соляных промыслов на означенных лиманах».¹⁹ В отдельных случаях члены общества из числа землевладельцев обязывались отводить для нужд общества дополнительно участки прибрежной земли вне установленных границ лиманов. В этом

случае на интересующей нас части местности, обозначенной в проекте как «вдоль восточного берега лимана», – граница промысла, согласно §28 устава, теоретически могла отодвигаться «до подошвы гор»²⁰ (то есть до прибрежных склонов. – О. С.). Сверх того, каждый из членов общества из числа владельцев береговых земель обязывался за установленную ежегодную плату отводить из своих владений, граничащих с соляными промыслами, «земель и угодий, потребных исключительно для солепромышленности, как то: для проведения дорог, каналов, для возведения всяких сооружений и зданий...».²¹ Данное условие устава оговаривало возможное выделение участков земли на верхней части берега лимана.

Таким образом, теперь можно было исключить из зоны поиска территорию села Корсунцы и его окрестных земель и тем самым сузить участок для исследования исключительно до границ действовавшего в 1899 году промысла. В пересчете на метрическую систему измерения это была прибрежная полоса длиной в 3 километра вдоль восточного берега и шириной (учитывая старую линию берега) от 50 до 100 метров. На этом вытянутом вдоль восточного берега участке были установлены места пяти крупных капитальных построек бывшего промысла. Остатки фундаментов двух из них, обозначенные уроженцем данной местности, обнаружившим их в 1960-е годы, находились в зарослях камыша (недоступны для осмотра. – О. С.) в районе поселков Шевченко, второго и третьего. Третье здание находилось у подножья склона слева от главного въезда на промысел в 250 метрах южнее здания нынешней Корсунской школы. От этой капитальной постройки сохранились хорошо видимые линии внешних стен и внутренних перекрытий. Четвертое здание сохранилось – это здание на верхней площадке берега, в котором ныне размещается Корсунская школа. Пятое крупное здание располагалось на косе и также по следам (отвалам), оставшимся от разобранных стен, хорошо сохранило линии своей формы. Остальные обнаруженные на территории косы следы зданий сразу были исключены из перечня объектов, подходящих для размещения в них церкви, так как данные группы строений (то есть фундаменты от них) по ряду признаков были определены как жилые (для рабочих промысла)

и хозяйственные (для хранения инструмента) постройки. Также в перечень не попало сооружение соляной мельницы, на месте которой ныне находится раскопанный котлован в форме прямоугольника. Все доступные следы бывших строений соляного промысла были сфотографированы для возможного моделирования форм зданий и дальнейшей идентификации. (Например, для установления местонахождения «дома акцизного надзора Одесской соляной заставы». – О. С.) Теоретически, в каждом из пяти зданий могло быть специально выделенное помещение под домовую церковь соляного промысла. Более того, два из этих зданий вполне могли быть самостоятельными церковными сооружениями. Поэтому повторно во главу угла вставал ключевой вопрос: церковь находилась в здании или же была отдельно стоящим строением? Как оказалось, ответ на этот вопрос скрывался в приведенном выше тексте газетного репортажа в «Одесском листке». Внимательно прочитав заметку, находим в предложениях ключевые фразы – «церковь эта воздвигнута» и «основана и сооружена», несущие в себе отражение выполненных действий – строительства сооружения. Там же при чтении сообщения о памятной мраморной доске, «врезанной на внутренней стене храма», перед глазами невольно выстраивалась и внешняя стена храма. Можно ли оперировать набором таких фраз, сообщая об открытии церкви в уже существующем здании? Ответ очевиден – нет!

Существенную помощь в установлении местонахождения церкви могли бы оказать старожилы, коренные жители поселков Шевченко – первого, второго и третьего, или села Корсунцы. Но, как выяснилось, в этих населенных пунктах практически не осталось таковых. Видимо, сказывалось географическое положение – близость населенных пунктов к городу Одессе, стимулирующая постоянную миграцию населения из хутора и поселков в город. Соответственно, в пригородный хутор селились семьи из более отдаленных мест. Это создало некий разрыв в цепи бытовой передачи исторической информации, не отраженной в иных источниках (устных свидетельств), о происходивших здесь событиях. Тем не менее один из потомков семьи, приехавшей на постоянное место жительства в поселок Шевченко в начале 1930-х годов из Ивановского района Одесской области, помог

получить важные сведения о бывших постройках промысла, в частности указать места двух построек, ныне скрытых в зарослях камыша. Но о существовании в этих местах церкви члены этой семьи даже не слышали.²²

И все же одно важное свидетельство посчастливилось услышать. Много лет назад местный житель по фамилии Король рассказал директору Корсунской школы Алле Борисовне Посмитной-Петренко о стоявшей недалеко от школы церкви. Самое важное в этом рассказе, по сути, ставшем уже устным преданием, стало указание точного расстояния: «200 метров от школы». Проверив полученную информацию, я нашел место, где, согласно свидетельству, находилась церковь. Но, к своему разочарованию, не обнаружил на месте никаких заметных признаков, указывающих на то, что здесь могла бы стоять церковь. Первичный осмотр участка не выявил характерных глиняно-земляных отвалов (или просто вспученности почвы) геометрически правильной формы, остающихся после разборки (разрушения) каменных стен здания довольно продолжительное время. Разбросанные на поверхности отдельные фрагменты камня-ракушечника и кирпичей нельзя было идентифицировать как извлеченные из стен или фундамента церкви, так как их разнородность и следы горения на них говорили о том, что фрагменты стройматериалов в разное время были занесены в данное место извне для создания импровизированных конструкций мангалов. Но больше всего смущало то, что рельеф и размер участка местности выглядел абсолютно не подходящим местом не только для расположения здесь культового сооружения, но и более того, для любого другого здания. Это была площадка шириной в разных местах от 5 до 7 метров с нависающим под углом в 60° склоном. К тому же, площадка находилась вплоты к грунтовой дороге – старой линии берега. Соседние участки выглядели еще более бесперспективными местами из-за нависающих крутых обрывов. Этот удручающий пейзаж, насыщенный разбросанным современным мусором, казалось, окончательно разрушал надежду найти здесь хоть какие-то следы исчезнувшей церкви. Но в то же время у меня не было оснований сомневаться в правдивости пересказанного свидетельства старожилы, поведавшего о стоявшей здесь церкви. Ведь человек

Соляной промысел на Куяльницком лимане в 1930 году.
На заднем плане видны постройки промысла

делился воспоминаниями достаточно давно, так сказать, заочно, без лукавства казаться знающим и интересным собеседником, и самое главное – подтверждал никому здесь уже не известный факт самого существования церкви. Значит, и указанное расстояние было близко к истине.

Был еще один проверенный способ поиска информации по истории местности – это картографический материал. Всякий раз, когда на моем столе появлялись старые карты и планы, я подробнейшим образом изучал данную местность. В этой картонной чехарде одна из карт, составленная в Румынии в 1930-е годы, привлекла особое внимание своей тщательной детализацией нанесенных топографических обозначений. На данной карте был изображен не существовавший уже в 1930-е годы Куяльницкий соляной промысел со всеми береговыми строениями, в том числе с соляной мельницей, водонапорной башней и железной дорогой. Вначале я даже не сразу обратил внимание на неприметный кружок, нанесенный на берег лимана. Но когда продолжил сопоставлять обозначения промысла с собранной информацией и переносить все данные на современную карту с последующей локализацией объектов на местности при помощи наложения спутниковой съемки, кружок постоянно оказывался именно в том месте, где, по преданию, стояла церковь. При внимательном рассмотрении на вершине кружка удалось разглядеть затертый рисунок крестика. Круг с крестом наверху – это старое условное обозначение (топографический знак), обозначающее отдельно

стоящую церковь. Теперь все окончательно прояснилось – все собранные материалы однозначно указывали на место, где находилось здание церкви Святой мученицы Наталии.

Попутно открылась и последняя тайна, связанная с «неудобным» рельефом местности. Оказалось, что более пятнадцати лет назад часть склона была искусственно деформирована при проведении земельных работ на примыкающих к обрыву выделенных дачных участках. При помощи трактора с верхней площадки было срезано и скинуто вниз несколько десятков кубометров грунта, засыпавшего часть подножья склона. Данный процесс продолжили атмосферные осадки, смывавшие рыхлый грунт на нижнюю площадку. Ко всему прочему, поиск следов строения серьезно усложняло и то, что за столько лет помимо естественной и рукотворной эрозии склона добавлялся массовый выброс мусора к подножью обрыва. Его накопления создали здесь неестественные грунтовые образования, вводящие в заблуждение даже опытного человека. С другой стороны площадки, вдоль западной линии подножья склона, из года в год происходило смещение грунтовой дороги в сторону уклона, вызванное тем, что в период дождей колею размывало, и автомобилисты, прокладывая новую, стремились объезжать ямы по лежащей рядом возвышенности. Все это абсолютно изменило природный рельеф местности. Поэтому, находясь непосредственно на месте, трудно было в инженерно-строительном аспекте мысленно поместить конструкцию церкви на узенькой полоске земли между дорогой и обрывом. Еще сложнее было эстетически представить здание храма в этом месте, учитывая контекст культовой значимости и публичности места.

Для закрепления открытия важно было получить изображение церкви, стоящей в данном месте. Идея найти фотографию церкви Святой мученицы Наталии изначально казалась абсолютно бесперспективным занятием. Понимая, что церковь существовала короткий отрезок времени, находилась в стороне от оживленных дорог и к тому же на частной территории, по законам логики выходило, что у церкви практически не было шансов попасть в объектив фотоаппарата любопытного фотографа. Но тем не менее возник один перспективный вариант поиска

фотографии. Он был основан на особенностях подачи материалов в журнальных изданиях первых лет советской власти, которые просто изобиловали подробными фоторепортажами с различных предприятий Одессы и пригорода. Известно, что соляной промысел на Куяльницком лимане после нескольких лет запустения, вызванного гражданской войной и последовавшей разрухой, возобновил работу в начале 20-х годов как предприятие Одесхимсольтреста.²³ Следовательно, нужно было искать фоторепортажи с соляного промысла в подшивках одесских журналов за период с 1924 по 1932 гг.

Здесь надо пояснить, что суть поиска фотографии религиозного сооружения в печатных изданиях антирелигиозного времени, где появление изображения церкви как одного из символов религии было недопустимо, заключалась в определенном фокусе: плотности расположения построек на небольшом пространстве. Все основные постройки промысла достаточно компактно (для территории данного предприятия) располагались вдоль берега и на косе лимана – такое единство зданий предприятия, подчиненных одному общему делу, делало второстепенными «идеологические» отличия в архитектурных формах одного из них. Так что, при фотографировании рабочих буден на раскинувшихся на сотни метров площадях (бассейнах) промысла в кадры с общими планами невольно должна была попасть и прибрежная полоса со всеми расположенными на ней строениями. А так как местоположение церкви, как и других построек промысла, было установлено, а также были известны и основные топографические элементы местности, то распознать объекты на фотографиях было бы уже делом несложным. Результат поиска был получен уже во втором просмотренном источнике – в журнале «Шквал» за 1930 год.²⁴ Но и здесь не обошлось без ставших уже привычными в ходе этой работы загадок. В материале под заголовком «Фабрика соли» весь разворот был посвящен фоторепорту с Одесского соляного промысла, запечатлевшему бесчисленные горы соли и копошащихся между ними работников с тачками и лопатами. Но заветного места не наблюдалось ни на одной фотографии. Разворот с фоторепортажем являлся целостным материалом, что подтверждала

и карточка каталога библиотеки, указывающая, что фотоиллюстрации промысла размещены на страницах 8 и 9. Это означало, что источник можно было отметить как просмотренный и безрезультатный. Переворот листа на следующую страницу был машинальным действием, всего лишь задерживающим на секунду миг осознания очередного разочарования в бесконечном поиске исторических материалов, касающихся исчезнувшей церкви. На следующей, десятой странице, была опубликована уже новая статья, на другую тему, но вверху страницы размещалась одна-единственная фотография, которая явно выпадала из контекста опубликованного материала. Обилие гор соли на первом плане сразу выдало территориальную привязку фотосъемки. Но главная находка ожидала меня на заднем плане фотографии – там, на непропорционально завышенном горизонте с полосой берега лимана, не сразу можно было и разглядеть размытые очертания двух белеющих зданий. Здание слева – это и была домовая церковь Святой мученицы Наталии.

Несмотря на невысокое качество журнальной фотографии, изображение оказалась более чем удачной находкой для прояснения ряда важных деталей. Так, на фотографии с правой стороны мы видим здание, которое сохранилось до наших дней, и в котором ныне находится Корсунская школа (вначале прорабатывалась версия, что домовая церковь располагалась в данном здании. – **О. С.**). Попавшее на фотографию здание школы можно использовать как ориентир для топографической привязки церкви на современной карте местности. Напомню, что и сама церковь также является ориентиром – в советской военной топографии старинные здания православных церквей служили ориентирами для определения сторон горизонта: алтарь всегда на востоке, главный вход с запада – наставлялось в военных учебниках. Съемка производилась с западной стороны с каменно-песчаной насыпи, с небольшой высоты – видимо, с вагончика, стоявшего на узкоколейной линии насыпи. Для «чистоты исторического эксперимента», то есть для сопоставления одного и того же вида, но снятого с разницей в восемьдесят четыре года (для создания сравнительной фототаблицы), пришлось терпеливо выждать засушливого отрезка года, чтобы можно было выйти по зыбкому

ФОТОТАБЛИЦА

Установление местонахождения церкви Святой Мученицы Наталии
на Куяльницком соляном промысле

ФОТО 1. Вид на Восточный берег Куяльницкого лимана в 1930 году
Здание слева - домовая церковь Святой Мученицы Наталии; здание
справа - административное здание Соляного промысла (ныне - школа)

ФОТО 2. Вид на Восточный берег Куяльницкого лимана в 2014 году
Здание слева - отсутствует; здание справа - Корсунская школа.

Соляной промысел на Куяльницком лимане в 1930 году
На заднем плане видны постройки промысла

песчано-грязевому настилу Куяльницкого лимана на удаленное расстояние и произвести съемку восточного берега.

Во время съемки (то есть в 1930 году) здание церкви было уже заброшено – отсутствовали дверь центрального входа

Церковь Святой мученицы Наталии на Куяльницком соляном промысле. 1930 год

и рамы на окнах. Тем не менее хорошо сохранилась побелка на фасаде церкви, об этом мы можем судить, сравнивая церковь с соседним жилым зданием. Запечатленное на фотографии здание школы дало возможность сопоставить ее со зданием церкви и определить относительные размеры храма. Проведенный непосредственно на месте замер длины западного фасада школы был равен 25 метрам, соответственно, наложение полученной шкалы на изображение церкви показало нам относительный размер западного фасада церковного здания, составивший (с учетом искажения перспективы) около 20 метров. Таким же способом удалось определить и примерную высоту колокольни, составившую около 6 метров. Церковная ограда, которая просматривается на фотографии белой полоской, тянулась в длину на более чем 30 метров.

Находка фотографии неожиданно оживила в сознании связанные с ней события: мы видим башенку колокольни и легко представляем звук разносящегося по окрестностям праздничного колокольного звона. Мы смотрим на едва уловимую взглядом нить дороги и представляем движение стекающего к церкви окрестного люда. По этой же дороге сюда прибывали и священнослужители для проведения богослужений.

Путь их лежал из Пантелеимоновской церкви (к ней была приписана домовая церковь Святой Наталии. – О. С.), расположенной на противоположном (по диагонали) берегу Куяльницкого лимана. Имена священнослужителей церкви Великомученика Пантелеимона узнаем из справочной книги Херсонской епархии – это были священник Василий Николаевич Филонов, 58 лет, и псаломщик Спиридон Андреев Маранчук, 39 лет. «На настоящем месте» священник – с 1890 года, а псаломщик – с 1893 года.²⁵ И хоть по своему церковному положению службы в церкви Святой Наталии велись нерегулярно, но все-таки в один день, можно уверенно сказать, колокольный звон приземистой часовенки разносился по округе, призывая служащих и рабочих промысла на праздничную службу. Это был храмовый праздник 26 августа – день памяти святой Наталии. Картину предполагаемого людского потока к церкви в праздничный день мы получим, суммируя известное число работавших и живших здесь людей. В год открытия церкви на промысле постоянно проживало 80 служащих, а в сезон вывочки соли (читай – в августе и сентябре) на промысле работало до 600 человек, прибавим сюда крестьян – жителей Корсунцов, записанных в 1906 году прихожанами домового храма Святой мученицы Наталии в количестве 86 мужчин и 90 женщин.²⁶ Отнимем произвольный процент людей, по тем или иным причинам отсутствующих на месте, и обнаружим, что в среднем церковный праздник мог собрать до полутысячи человек.

Важно отметить, что словно по чудесному совпадению, после открытия церкви Святой Наталии последовали значительные гуманитарные преобразования в ближайшем населенном пункте Корсунцы, который, как было отмечено выше, имел многолетнюю именную принадлежность как «хутор Корсунцы Лузановой». На рубеже веков в Корсунцах была построена школа, открыта библиотека-читальня, а при школе заложен сад с питомником. Здание школы в Корсунцах было выстроено сыном Н.Н. Лузановой Михаилом Фомичом Лузановым.²⁷ С марта 1900 года акционерным обществом Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов на счет земства была внесена сумма в размере 1000 рублей на образование капитала для содержания

и развития школы.²⁸ В дальнейшем акционерное общество ежегодно выделяло средства в помощь школе, а Михаил Фомич Лузанов стал бессменным опекуном учебного заведения. Его участие в жизни школы было всеобъемлющим – от постройки самого здания и принесения в дар земству десятины земли, на которой была возведена школа, до ремонта этого же здания, произведенного им в 1907 году. И совсем уж по-отечески заботливо выглядели чтения, которые проводил лично Михаил Фомич Лузанов с группой товарищей в рамках внешкольного обучения для безграмотной части населения Корсунцов. Согласно ежегодному отчету, в год открытия (с 1 декабря 1901 года) в школе занимались уже 46 учащихся.²⁹ Но истинным очагом просвещения для всего населения хутора стала открытая в 1901 году в отдельном помещении Корсунской школы библиотека-читальня, названная именем А.С. Пушкина.³⁰ Спустя два года после открытия фонд библиотеки-читальни насчитывал 458 томов хранения и имел подписку на восемь периодических изданий. Число подписчиков составило 61 человек (32 мужчины и 29 женщин). Число выданных книг за отчетный 1903 год составило 815 томов, из них 532 раза книги брали мужчины и 283 раза женщины.³¹ (Через несколько лет число учащихся школы и подписчиков библиотеки значительно выросло за счет населения села Крыжановки. – О. С.) В сухой канцелярский текст отчета по воле случая прокрался фрагмент живой речи заведующего Корсунской библиотеки-читальни. На вопрос о литературных вкусах жителей Корсунцов он расставил жанры по интересу подписчиков следующим образом: «сказки, военные и из народного быта рассказы и сочинения Гоголя».³²

В эти же годы под руководством земства Одесского уезда на отведенном сельским обществом участке при Корсунской школе был разведен фруктовый садик с небольшим питомником. Школьный садик снабжался посадочным материалом из земских питомников, где к саженцам прививались глазки и черенки от лучших сортов фруктовых деревьев. На отдельных участках школьного питомника учителями за свои средства выращивались саженцы специально для раздачи трехлетних деревьев ученикам или беднейшим крестьянам. За каждое

трехлетнее дерево земство платило учителям вознаграждение по 10 копеек, а за каждое привитое дерево груши по 15 копеек.³³ Краткий перечень некоторых сортов плодовых деревьев, распространяемых из питомников, психологически заставляет почувствовать на устах сладкий сок и мякоть созревших плодов поистине интернационального сада – яблони: Кардинал огненный, Синап-кандиль, Виргинская розовая; груши: Бон-Луиз де-Аванж, Дюшес Ангулем, Жозефин-де-Малин, Бергамот Эсперена, Фаворитка Клаппа; абрикосы: Королевский, Ранний из Монплезира, Сахарный голубок; сливы: Анна Спет, Ренклюд графа Алтана, Леванская красавица; персики: Ранняя Беатриса, Перуанский ранний; вишня: Королева Гортензия, Шпанка, Остгеймская; шелковица: Константинопольская белая, Черная крупноплодная, Золотистая.³⁴ Еще совсем недавно по меркам истории – каких-то двадцать пять лет назад – в густых зарослях Корсунского сада можно было найти отдельные фруктовые деревья. Почему-то больше всего сохранилось деревьев груш. Это были дикие деревья с совсем мелкими плодами желто-зеленого цвета. Видимо, это были груши, выросшие из семян плодов тех самых земских саженцев, стоивших 15 копеек за деревце. Сегодня от сада не осталось и пенька.

Разрушение здания церкви происходило одновременно с разрушением других построек промысла и было связано с последствиями сильнейшего наводнения. Наводнение 1932 года буквально смыло соляной промысел на Куяльницком лимане.³⁵ Водная стихия подтопила десятки жилых домов и хозяйственных построек промысла, размыла гидротехнические сооружения (бассейны). После того как вода отступила, люди стали разбирать брошенные дома: камень и кирпич с разобранных строений использовался повторно как строительный материал для возведения новых домов уже на верхней площадке берега.³⁶ Такая же участь постигла все нежилые постройки и конструкции промысла: извлекался камень, кирпич, черепица, рельсы и даже деревянные сваи. Последние также использовали как дрова для печей. За несколько лет поисков церкви и других сооружений промысла автором этих строк были извлечены и собраны разнообразные виды строительных материалов, оставшихся от построек

промысла: черепицы, огнеупорных (от печей и дымоходов) и строительных кирпичей, деревянных свай от гидротехнических конструкций промысла. Анализ данных артефактов свидетельствует о высоком качестве стройматериалов, применявшихся в строительстве большинства объектов инфраструктуры Куяльницкого соляного промысла. Состояние некоторых кирпичей таково, что позволяет хоть сейчас, по прошествии столетия, использовать их по прямому назначению. Само за себя говорит разнообразие клейм местных и иностранных производителей кирпичей: «Л. Ф.», «EXTRA», «N. RAMSAY», «LONDON», «O.K.Ц.А».³⁷ Отметим здесь, что с первых жилых построек промысла (т. н. «хуторов соляного промысла») ведут свое начало ставшие потом населенными пунктами Одесской области все три поселка Шевченко. А из камня разобранной церкви, вероятно, были построены хаты (дома) и хозяйственные постройки ближайшего к ней населенного пункта, носившего в 1930-е годы название Шевченко первое. Мраморная плита с памятной надписью утратила свою выразительно-смысловую значимость еще в первые годы советской власти, и судьба ее неизвестна. Так же, как и других церковных символов – креста и колокола.

Окажись сегодня Наталья Николаевна Лузанова в своих владениях, она с трудом узнала бы родную землю: исчезла церковь и другие здания промысла, оказалась в запустении местная природа, а на месте школьного сада в Корсунцах сейчас можно увидеть лишь голый склон балки. Разве что гниющие деревянные сваи в почти высохшем Куяльницком лимане с вековой печалью напомнили бы землевладелец о ее детище – грандиозном предприятии, продукция которого к концу XIX столетия завоевала «обеденные столы» внутренних губерний Российской империи. Вот что о Куяльницкой соли с предприятия Лузановых писалось в 1898 году в четвертом томе многотомного издания «Живописная Россия»: «...Лучше обставленная по удобствам доставки, одесская, или куяльницкая соль, добываемая в 8 верстах от Одессы. Этот промысел причисляется уже к важнейшим в государстве. Эта соль идет даже в белорусские губернии, какова бедная Минская. Запас соли определяется в 150 миллионов пудов и на месте она продается от 36 до 40 коп.

за пуд».³⁸ Пожалуй, что, без всякого сомнения, немного утешило бы гостью из прошлого – это то, что в одном из принадлежавших ей зданий сейчас находится начальная школа, в которой под присмотром заботливых педагогов обучаются более ста местных детей. Это чудом сохранившееся здание овеяно некоторыми местными легендами, в том числе и романтическими, но, возможно, и в самом облике старинного здания Корсунской школы затаилась одна вековая интрига. Первое, что бросается в глаза при виде этого строения, это его асимметричная форма: вытянутый с юга на север основной корпус здания продолжается небольшим перпендикулярно расположенным крылом с южной стороны. С северной же стороны крыло отсутствует. Эта неправильная форма всякий раз вызывала резонный вопрос: для чего потребовалось создавать такую архитектурную дисгармонию? Абсурдно искать объяснение «недостроя» в недостатке средств у владельцев земли. Также не следует связывать «оригинальную» планировку здания с ориентированием на режим ветров в данном месте, так как недостающая часть как раз делает внутренний двор незащищенным от господствующего в регионе северного ветра. И только с одного ракурса форма здания раскрывает гармоничное содержание своей формы, выражаясь фразеологизмом, с высоты птичьего полета. В нашем случае картинка раскрывается с помощью спутниковой съемки: сверху мы видим, что старинное здание выстроено в форме латинской буквы «L» (не беря во внимание пристройки советского времени. – **О. С.**). Что само собой уже наводило на желание мысленно продолжить выводить на земле с запада на восток остальные латинские буквы, получая фамилию Luzanov. Причем «каменная литера» расположена по форме корректно – как в алфавите, что предполагает правильное «написание» (слева направо: от лимана в глубь материка) и остальных букв фамилии. Неужто и вправду в этой заглавной букве инициала умышленно была зашифрована фамилия дворянского рода? Или же только что в этих строках родилась красивая легенда? В любом случае существует L-образное сооружение на земле, где эта литера была главной в фамилии рода, определявшего судьбу данной местности.

Здание дома семьи Лузановых на соляном промысле (ныне Корсунская школа)

Теперь, оглядываясь на покрытые забвением исторические события, происходившие на описываемой местности, где давно уже ничего не напоминает о былом размахе легендарного предприятия и людях, его создававших, закономерным упреком нашему многолетнему безразличию звучит сочетание слов: «ничейная коса». Именно под таким заголовком в апреле 1981 года газета «Вечерняя Одесса» опубликовала заметку, в которой неравнодушный читатель обращал внимание общества на проблему загрязнения прибрежной территории Куяльницкого лимана: «...Коса изрыта огромными ямами, уродующими пейзаж, – здесь поработали экскаваторы. Кому-то понадобилось брать отсюда песок (который, кстати, низкого качества – с глиной). Тут и там разбросан всякий хлам, вплоть до металлоконструкций весом в сотни килограммов, горы стальной проволоки и бетонных столбиков с ближайшего виноградника, и просто груды мусора».³⁹ В этой же заметке автор с хронологической точностью следователя вписал в историю эпизод наблюдаемого им на косе безобразия: «...24 марта 1981 года в 13:50 самосвал ЗиЛ-130 с номером 35-48 ОДЯ вывалил на лу-

жайку косы огромную кучу бумаги и картонных ящиков». Сегодня можно констатировать, что за прошедшие более тридцати лет с момента выхода публикации здесь мало что изменилось. За три года регулярных посещений данной местности вдоль склонов и на самой косе менялись только цветовая гамма и размеры завозимых и заносимых сюда разнообразных отходов. Завершающим штрихом в палитре депрессивной картины стало целенаправленное извлечение из воды лимана последних реликвий, оставшихся от инфраструктуры соляного промысла, – рельсов узкоколейной линии. Их последний путь пролегал в пункт приема металлолома.

Последние дни жизни Наталии Николаевны Лузановой проходили на фоне драматических событий, развернувшихся в Одессе летом 1905 года. В те дни всякая связь имени Лузановых с городом была отрезана бунтовщиками – рабочими заводов, расположенных на Пересыпи. Отсюда началась политическая забастовка в Одессе, вскоре распространившаяся по всем районам города. Волнения в городе подогрел появившийся на одесском рейде броненосец «Князь Потемкин-Таврический» с восставшим экипажем. Несколько дней спустя было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось об «открытом мятеже рабочего населения Одессы, сопровождающемся убийствами, грабежами и поджогами». Там же подчеркивалось, что особенно сильно от «неслыханного разгрома, учиненного буйной чернью», пострадал одесский порт: «...с наступлением сумерек начались поджоги, вскоре принявшие ужасающие размеры. Выгорела почти вся территория порта, так как толпа не допускала к тушению огня пожарных».⁴⁰ Вид зарева пожарища в одесском порту и звуки залпов корабельных орудий мятежного «Потемкина» – одна из последних картин, которые могла наблюдать Наталья Николаевна Лузанова, находясь на своей даче на противоположном берегу Одесского залива. (Дача Лузановых была разрушена от попадания бомбы во время авианалета в 1944 году. – О. С.)

Умерла Наталья Николаевна Лузанова 28 июня 1905 года в возрасте 86 лет, от старости, похоронена в семейном некрополе Лузановых на старом кладбище села Крыжановка.⁴¹ Памятник на ее могиле, как и на могилах других восьми похороненных здесь членов семей Лузановых и Дембровских, разрушен.

Вид на Одесский залив с ограды фамильного некрополя дворянского рода Лузановых, с. Крыжановка, 2011 год

...Отсюда, со старого кладбища, открываются замечательные виды на Одесский залив и береговую панораму Одессы, от которых просто невозможно оторвать глаз. Созерцание этого дает нам сегодня возможность понять главное – это место давным-давно было выбрано не случайно: здесь в каменной ограде заключена последняя воля усопших – обрести вечный приют на родной земле и навсегда остаться в окружении сопровождавших их с рождения любимых видов. Сумеет ли мы проникнуться чувствами предков и сберечь эти несколько саженей нашей общей памяти, кстати, одного из немногих мест на мемориальной карте региона, где частично сохранен фамильный некрополь дворянского рода, оставившего свой заметный след в истории Одессы? В целом же и фамильный некрополь Лузановых, и место разрушенной церкви, и даже столетние сосновые сваи в водах Куяльницкого лимана – это «точки соприкосновения», где хоть на миг в каждом из нас оживает связь с личностями и событиями из многоликого прошлого земли, на которой мы сейчас живем.

Р. С. Сегодня на территории бывших землевладений Лузановых – части Суворовского района города Одессы и части Коминтерновского района Одесской области – живет около 250 тысяч человек. В числе которых и автор этого текста.

Фото автора

Примечания

¹ Одесский листок. – 1899, 13 сентября.

² Одесский листок. – 1899, 12 сентября.

³ Губарь О.И. История первого городского кладбища и комментарии к материалам В.И. Смирнова. О.И. Губарь, Первые кладбища Одессы. Ред.-сост.: М.Б. Пойзнер. – О.: ТЭС, 2012, с. 420.

⁴ Одесса, 1794-1894. Изд. Гор. обществ. управления к столетию города. – Одесса: Тип. Шульца. 1895, с. X.

⁵ Там же, с. XXXV.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. (Далее – ПСЗРИ) – Спб., 1829, т. IV, № 3065, с. 578-579.

⁷ Там же.

⁸ Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. (Изд. Губерн. стат. комитета) – Херсон: Тип. Губерн. правл., 1896, XXIV, с. 299.

⁹ ПСЗРИ, 1871, т. XLVII, часть 2, № 51105 (Устав акционерного общества Одесских Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов), с. 184-193.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² (Некролог Ф.П. Лузанова) Одесский вестник. – 1870, 11 февраля, № 30.

¹³ Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. – 1870, № 10, с. 787.

¹⁴ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 4, оп. 1, д. 600 (дело утрачено).

¹⁵ Вся Одесса: адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1911 год. – Одесса: Тип. «Од. Нов.», 1911, с. 82.

¹⁶ Вся Одесса: адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. – Одесса: Тип. «Од. Нов.», 1913, с. 8-9.

¹⁷ Личный архив. Копия рукописи преподавателя Корсунской школы в 1947-1970-х годах О. Соколовой, озаглавленная как «История школы села Корсунцы».

- 18 Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. Указ. Справочник. С. 299.
- 19 ПСЗРИ, т. XLVII, часть 1, № 51039, с. 998.
- 20 Там же, часть 2, № 51102 (Устав Товарищества владельцев Одесских Куяльнико-Хаджибейских соляных промыслов), с. 174-184.
- 21 Там же.
- 22 Личный архив (воспоминания уроженца п. Шевченко В.М. Соколова).
- 23 Шквал. – 1924, № 7 (Одесские соляные промыслы).
- 24 Шквал. – 1930, № 33 (Фабрика соли).
- 25 Справочная книга Херсонской епархии. (Издание Духовной консистории) – Одесса: Тип. В.Н. Фесенко, 1906, с. 33.
- 26 Там же, с. 32.
- 27 Отчет Одесской земской управы за 1901 год. – Одесса: «Славянская» типография Н. Хрисогелос, 1902, с. XIV, XXV.
- 28 Отчет Одесской земской управы за 1901 год. Отдел второй. (Денежный) – Одесса: «Славянская» типография Н. Хрисогелос, 1902, с. 131.
- 29 Там же, Приложение № 4, с. 73.
- 30 Краткие сведения о народных школах в Одесском уезде за 1903 год. – Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1904, с. 16.
- 31 Там же.
- 32 Там же, с. 17.
- 33 Отчет по сельскохозяйственному отделению Одесской земской управы за 1903 год. – Одесса: Тип. Торг. дома Г.М. Левинсон, с. 14.
- 34 Там же, с. 16.
- 35 Вечерняя Одесса – 1981, 3 сентября.
- 36 Личный архив (воспоминания уроженца п. Шевченко В.М. Соколова).
- 37 Личный архив (коллекция автора оригинальных кирпичей, черепицы, деревянных свай и других материалов с построек Акционерного общества Куяльнико-Хаджибейских соляных промыслов).
- 38 Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. V, ч. 2 – Спб. – М.: М.О. Вольф, 1898, с. 70.
- 39 Вечерняя Одесса. – 1981, 16 апреля.
- 40 Нива. – 1905, № 28, с. 550-554.
- 41 ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 636.

